

Муромский сруб

Деревянный сруб,
деревянный Друг,
пальцы свёл в кулак
деревянных рук,

как и я, глядит Вселенная во мрак,
подбородок положивши на кулак,

предок, сруб мой, ну о чём твоя печаль
над скамейкою замшелой, как пицаль?

Кто наврал, что я любовь твою продал
по электроэlegantным городам?

Полежим. Поразмышляем. Помолчим.
Плакать – дело недостойное мужчин.

Сколько раз мои печали отвели
эти пальцы деревянные твои...

Отзыв о стихотворении Андрея Вознесенского «Муромский сруб»

Древний Полоцк, старинный Новгород, Мир, Несвиж... Мне удалось побывать во всех этих городах. И в каждом охватывало непонятное чувство тихой грусти и затаенного трепета. Я не могла оставаться спокойной, спускаясь в усыпальницу Радзивиллов или поднимаясь по крутым винтовым лестницам Мирского замка на самую высокую башню. Чувство единения с историей никогда не покидает меня.

Я люблю историю. Очень хочется побывать в Лиде, Гродно и Санкт-Петербурге. А еще... в Муроме. Думаю, что этот старинный город насквозь пропитан многовековой русской историей. По прочтении стихотворения Андрея Вознесенского «Муромский сруб» мне показалось, что в Муроме я уже была. Е. Евтушенко говорил, что «поэзия

Вознесенского – это депо метафор». Я возьму на себя смелость добавить, что этот поэт еще и мастер создания настроения. Неожиданно для себя я вновь ощутила затаенную грусть. Ту самую, что и у замка Радзивиллов.

Я перечитываю стихотворение снова и представляю небезызвестную муромскую дорожку, а вдоль нее на небольшом расстоянии друг от друга постоянные дворы с деревянными домами.

Сруб, Друг, предок – ключевые образы стихотворения, которые помогают понять позицию лирического героя, близкую авторской. Подсознательно герой А. Вознесенского тянется к истокам, к срубу. Ему кажется: погладишь шероховатую кору – и беды уйдут, будто и не было их. Не зря в народе говорят: плохо – прислонись к дереву, все ему расскажи, все горести поведай – легче станет. Не случайно ведь деревянные пальцы сруба отводят от лирического героя беды и печали («Сколько раз мои печали отвели / эти пальцы деревянные твои...»).

Сколько раз отвели и сколько еще отведут!.. Дерево – архетипический образ, символизирующий силу предков, силу жизни. А прадеды нас любят и никогда не оставят без помощи.

Состояние лирического героя напрямую связано с его настроением. Эту мысль подтверждает аллитерация на глухие звуки в первом и втором дистихах (аллитерация на шипящие – «Ну о чем твоя печаль/ Над скамейкою замшелой, как пищаль»), а также в четвертом и пятом (аллитерация на [п] – «Полежим. Поразмышляем. Помолчим»). Однако стоит отметить аллитерацию на [д] в третьем катрене («Деревянный сруб,/ Деревянный Друг») и аллитерацию на [р] в третьем дистихе («Кто наврал, что я любовь твою продал/ по электроэлегантным городам?») Эти резкие громкие звуки пронизывают канву глухих.

Стихотворение можно разделить на две части. Первая часть представляет собой катрен, вторая – пять дистихов. Последний дистих

автор заканчивает умолчанием («Сколько раз мои печали отвели/эти пальцы деревянные твои»), словно заставляя современного человека задуматься о многом. Тем самым А. Вознесенский задает мотив бесконечных размышлений.

Катрен – зачин стихотворения, он словно настраивает читателя на дальнейшие размышления. После двухиктного дольника, которым написано четверостишие, даже стремительный хорей кажется умиротворяющим и сопутствующим спокойному течению мыслей.

Ощувив новые силы, лирический герой размышляет. Тон стихотворения становится спокойно-умиротворенным: «Полежим. Поразмышляем. Помолчим./Плакать – дело, недостойное мужчин». Односоставные предложения добавляют размеренности интонации, а знаки препинания требуют остановок, вдумчивости.

Задумчива и Вселенная. Автор наделяет ее способностью увидеть будущее («глядит Вселенная во мрак»). Однако не могу не заметить, что именно Вселенная «глядит во мрак», как лирический герой, а не наоборот. Какое, казалось бы, самомнение! Саму Вселенную оставить за собой! За собой?.. А не за нами ли? Мне кажется, А. Вознесенский под местоимением «я» подразумевает «мы», читатели. Земляне!

Проведя искусную работу со звукописью, композицией и размерами стихотворения, поэт воссоздал атмосферу столь характерной для русской души переменчивости. «Твердость» стихотворению придают мужская рифма и асиндетон, а спокойствие, «мягкость» – аллитерация и стихотворный размер. Одним словом, противоречивость русской души отображена поэтом полностью.

Замечу, что неизменным у русского человека остается только одно – чувство родины. А. Вознесенский умело подчеркивает его через противопоставление: сруб – город. Отталкиваясь от этого сравнения,

можно выстроить образную систему стихотворения, то есть разделить образы на две группы: «городские» и «образы сруба». К последней я отнесла следующие образы: предок, дерево, скамейка, замшелая, как пищаль, руки и пальцы сруба (думаю, что деревянные бревна такие же старые и замшелые, как и скамейка). Стоит обратить внимание, что все образы в этой группе связаны со стариной. Они уютные, свои, родные. Они противопоставлены ключевому городскому образу – электроэлегантному городу. Да и вообще, сам эпитет-окказионализм «электроэлегантный» иностранный, чужой. Но «чужой» город и «родной» сруб живут одной жизнью, имя которой – современность. Можно сделать вывод о неразрывной связи прошлого и настоящего, потомков и предков.

М. Цветаева писала:

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Цветаевская грусть по уходящей старой России созвучна с мечтательно-философским настроением А. Вознесенского.

Москва. Мегаполис с высотными домами. Безостановочное движение и днем и ночью. История не стоит на месте: течение времени – это закономерно. Все так, как и должно быть...

...Однако как же перехватывает дыхание, когда проводишь ладонью по шершавым стенам древних построек, когда соприкасаешься с историей своих предков, древней, незыблемой, родной.

Отзыв о стихотворении Андрея Вознесенского «Муромский сруб»

«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора», а у человека есть дом, есть родина. Да, у всего живого на планете есть пристанище, есть родной угол.

Но в отличие от других живых существ у человека есть то, что связывает прошлое и настоящее, заставляет задуматься о скоротечности жизни, напоминает о долге перед предками, говорит об умерших как о живых... Это память – своеобразный неисчерпаемый архив. Теме памяти и посвятил стихотворение «Муромский сруб» поэт Андрей Андреевич Вознесенский.

Когда я прочитала стихотворение, меня удивило то, что в нем ни разу не упоминается город Муром Владимирской области, о котором идет речь в названии. Это заинтересовало меня, и я поняла, что ключ к разгадке этого стихотворения необходимо искать в истории семьи поэта. Оказалось, что прапрадед А. Вознесенского был грузином. Покая Кавказ, русские брали в плен детей местных вождей – так предок поэта оказался в неволе. Его увезли в город Муром, из которого он не мог выехать, там он женился на россиянке и стал настоятелем монастыря. Я узнала, что, заинтересовавшись этой историей, А.Вознесенский поехал в Муром, где нашел чудом уцелевшее надгробие, на котором было написано имя предка – Андрей Полисадов. Но это стихотворение не пересказывает историю семьи, оно выражает чувства поэта, показывает соприкосновение человека с историей. Для А. Вознесенского это стихотворение – связующая нить между прошлым и настоящим.

При первом чтении стихотворения «Муромский сруб» я не заметила в нем ничего необычного, но в то же время какая-то сила заставляла меня читать снова и снова... И вот я под влиянием магии поэтических строк и рифм, звучание которых помогло понять, что это стихотворение – настоящее произведение искусства. В нем есть все: и живопись, и архитектура, и музыка... Только посмотрите, как поэт «выстраивает» строки! Первыми четырьмя он намечает углы сруба, а остальными словно выкладывает стены бревно за бревном, строка за строкой. Вот так у

стихотворения появляется форма. А музыка? Вы чувствуете, как в каждом слове автор отбивает ритм (сначала трехстопный, а потом шестистопный хорей с усеченными стопами), в то же время стихотворение льется, как песня, благодаря парной рифмовке и чередованию женских и мужских закрытых рифм. И, наконец, живопись... Ее Андрей Вознесенский передает через яркие, необычные и плавно сменяющие друг друга образы (сруб-кулак, Вселенная-кулак, скамейка-пищаль). При этом стихотворение не изобилует тропами, но вот разнообразие их поражает: эпитеты «деревянный» сруб, над «замшелой» скамейкой; сравнение «как и я»; олицетворения «глядит Вселенная во мрак», «пальцы отвели печаль»; повтор слова «деревянный». Удивляет и лексика стихотворения: употребление окказионализма «электроэлегантные» и устаревшего слова «пищаль» в одном стихотворении соединяют прошлое и настоящее, делают произведение экспрессивным. В стихотворении преобладают существительные и глаголы, которые одновременно придают стихотворению образность и динамичность. Примечательна и звуковая инструментовка: несмотря на аллитерацию на [д], [р], [б], [к], [т] (а сочетание таких звуков мне кажется негармоничным) и ассонанс на грустные [а], [у], стихотворение звучит мелодично.

Мне кажется, что такие стихи требуют того, чтобы их прочувствовали, а не проанализировали, чтобы читатель ощущал переживания лирического героя как свои. Невидимый поток поэтической энергии исходит практически из каждого слова.

Деревянный сруб,
деревянный Друг,
пальцы свел в кулак
деревянных рук...

Какое поразительное сравнение кроется в этих строках! Представьте деревянный сруб и кулак. Согласитесь, что пальцы очень похожи на бревна. Такая необычная ассоциация автора делает сруб живым существом, с которым можно даже поговорить. Пятая и шестая строки передают смятение лирического героя, мрак, неизвестность. Он пытается осмыслить свое место в обществе, истории, мироздании. А вот Вселенная, на мой взгляд, образная модель космического покоя.

Следующие строки – выражение искренней привязанности к муромскому сруб и к скамейке, на которой уже давно никто не сидел. Такое отношение к прошлому, к старине достойно уважения. Ведь когда-нибудь для потомков и прожитые нами дни, и наши дела тоже станут страницами истории. Далее поэт противопоставляет родные места городской цивилизации. Предпочтение малой родине он выражает при помощи окказионализма «электроэлегантным».

Глаголы «полежим», «поразмышляем», «помолчим» настраивают на философский характер произведения, как и риторический вопрос, и умолчание. Лирический герой и дом «понимают» друг друга без слов, ведь среди глаголов нет ни одного со значением речи. Между ними незримая духовная связь. Их разделяют сотни километров, и это угнетает лирического героя, но «плакать – дело недостойное мужчин».

«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора», а у человека есть дом, хранящий память. Память дает возможность вновь ощутить то, что когда-то пережил. Она живет в старых фотографиях и в сердцах потомков. Живет вечно, потому что, как сказал Д. С. Лихачёв, «память – это преодоление времени, преодоление смерти».

Ярослав Смеляков

История

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
Шагов Истории самой.

Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей

вся та преемственная связь.

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

Отзыв о стихотворении Ярослава Смелякова «История»

Человек... Поколение... История...

Рано или поздно человека посещает мысль о преемственности поколений. Например, мне всегда было интересно узнать о взаимосвязи человека и истории. Ведь часто бывает так: дети из семьи врачей становятся врачами, дети из семьи актеров – актерами... Так передаются традиции, передаются из поколения в поколение, продолжая не только традиции одной семьи, но и историю целой страны.

Возможно, поэтому талантливый поэт XX века Ярослав Смеляков, обладая уже достаточным жизненным опытом и мудростью, написал стихотворение «История».

Мастерство Я. Смелякова ощущается с первого стиха, каждое точно подобранное слово рисует картину времени и пространства, где находится лирический герой («тишь», «тени», «ощущенье»), но, чтобы понять глубину поэтического текста, недостаточно прочесть его один раз. И я снова и снова возвращаюсь к нему...

Композиция этого лирического произведения довольно проста: стихотворение состоит из четырех катренов, каждый из которых постепенно раскрывает авторский замысел.

Когда я еще раз перечитала первый катрен, мне показалось, что поэт специально стер границы между прошлым и настоящим. И

«современники», и «тени» сейчас равны, поэтому лирический герой сразу говорит об ощущении им связи между поколениями:

И современники, и тени

В тиши беседуют со мной...

Прочитав только первых два стиха, можно понять, что автор бережно относится к поэтическому слову и умеет по-настоящему талантливо передать свое видение мира. «История» – это ключевой образ, на котором построено все стихотворение, поэтому, чтобы показать читателям его значимость, автор использовал инверсию («Истории самой»). Прочитав первое четверостишие, нельзя не заметить, что это слово пишется с большой буквы. Мне кажется, что поэт не только олицетворяет ее («шаги Истории»), но и подчеркивает важную роль истории в жизни лирического героя и его современников: человек узнает больше о своем прошлом, благодаря чему сохраняется связующая нить поколений:

Острее стало ощущение

Шагов Истории самой.

Если прочитать катрен вслух, то можно отчетливо различить шорох приближающихся шагов. Поэт достиг этого эффекта при помощи звукописи («Острее стало ощущение шагов Истории самой»). В первом четверостишии почти нет активных глаголов. На мой взгляд, это можно объяснить тем, что Ярослав Смеляков хотел показать читателям статичную картину, где главную роль играют предметы и их признаки («современники», «тени», «тишь», «ощущение»), а не действие.

Во втором катрене уже ощущается некоторое движение (но динамики в стихотворении мы по-прежнему не увидим), напоминающее о постепенном ходе времени. Это подчеркивается мелодичностью и плавностью стихов, что достигается при помощи ассонанса:

Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла...

В жизни не все так просто, как кажется на первый взгляд. Вероятно, поэтому в произведении использованы антонимы «тьма» и «свет», которые подчеркивают неоднозначную роль исторических событий в нашей судьбе. Я думаю, нельзя не заметить союз «и», который часто встречается в стихотворении. Скорее всего, использование этого союза не случайно: поэт намеренно заостряет на нем наше внимание, чтобы еще раз убедить читателей в существовании взаимосвязи между прошлым и будущим («современники и тени», «мысли и дела», «спеша и падая»).

Перечитав это четверостишие еще раз, нельзя не обратить внимание на глаголы с приставкой «о» («омыла», «ожгла»). Употребление их в форме «вымыла» и «сожгла» лишило бы их поэтической силы. Приставка «о» обозначает движение вокруг предмета: движется вода («омыла»), движется огонь («ожгла»). Вместе с тем проходит время, движется наша жизнь.

Лирический герой, погрузившись в глубины своего сознания, приближается к истории не только своего поколения, но и прошлого:

...Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Третий катрен показывает изменения, произошедшие в душе лирического героя, который становится частью истории своей страны, понимает свою роль в жизни. Теперь он и его современники являются частью той «преемственной связи», о которой пишет Ярослав Смеляков.

Употребление личных местоимений («меня», «мне») придаёт речи поэта оттенок искренности, и мы верим каждому его слову, понимаем его чувства. Кажется, что лирический герой, соприкоснувшись с прошлым,

узнал неведомую ранее тайну («Мне этой радости доныне не выпадало отродясь, и с каждым днем нерасторжимей вся та преемственная связь»).

Ярослав Смеляков написал это стихотворение четырехстопным ямбом, в котором присутствует пиррихий, придающий звучанию каждого стиха плавность. Благодаря этому лирическое произведение стало мелодичным, но все же не потеряло своей четкости:

Мне этой радости доныне

Не выпадало отродясь...

Мне кажется, что к стихотворению «История» можно было бы написать музыку: перекрестная рифмовка вместе с чередованием мужской и женской рифм придает поэтическому тексту ритмичность, которая звучит как мелодия.

Читая поэтические строки, нельзя не обратить внимание на одну интересную особенность стихотворения: в каждом катрене первый и третий стих имеют неточную рифму («тени» – «ощущенье», «доныне» – «нерасторжимей»). Это говорит о том, что поэт тщательно продумывал построение художественного произведения. Использование в этом четверостишии разговорной лексики («доныне», «отродясь») приближает нас к самобытной культуре «родной Руси».

Четвертый катрен подводит читателей к выводу о связи между поколениями, о верности традициям:

Как словно я мальчонка в шубке

и за тебя, родная Русь,

как бы за бабушкину юбку,

спеша и падая, держусь.

В последнем четверостишии можно заметить своеобразные слова-символы. «Мальчонка» – это символ нового времени и современного общества, которое нуждается в поддержке со стороны

старшего и более мудрого поколения; «бабушкина юбка», на мой взгляд, является не только отражением уходящей культуры и традиций, но и символизирует Россию в целом. Сравнение («как бы за бабушкину юбку») указывает на неразделимую связь между поколениями. Мы по-прежнему верны «бабушкиным» традициям, но неумолимое движение истории заставляет нас менять свои взгляды на мир. А ведь так хочется сохранить духовное наследие, накопленное предыдущими поколениями. Последний стих («спеша и падая, держусь») передает состояние лирического героя, который идет в ногу со временем, но не хочет потерять связь между прошлым и настоящим, остается верным «родной Руси».

Мне кажется, что именно раздумья о судьбе своего поколения и беспокойство за будущее родной страны побудили Ярослава Смелякова написать стихотворение «История». Время идет, но связь между поколениями продолжает существовать, история не прерывается, мы слышим ее «шаги»... История – Поколение – Человек...

Отзыв о стихотворении Ярослава Смелякова «История»

Осенний вечер. За окном – «в багрец и золото одетые леса», «чудное природы увяданье». За дверью моей комнаты привычные звуки жизни. Старенький, выдавший виды письменный стол – мое рабочее место. Вглядываюсь в листок со строчками стихотворения Я. Смелякова «История», вчитываюсь и думаю, думаю о том, что же такое – история? События в жизни государства, случай, происшествие, цивилизация, ход времени – все это жизнь, все это История. Слово, как я понимаю, многозначное. И это понимал автор, поэтому обратился к теме значительной и важной. Четыре катрена объемлют огромный временной пласт – бытие государства, страны, человека.

О поэте Ярославе Смелякове я знаю немного.

Биографическая справка из Энциклопедического словаря: Смеляков Ярослав Васильевич (1912/1913-1972), русский поэт. Романтика комсомольской юности, темы труда, преемственности поколений; сочетанием лирической патетики с разговорными интонациями и юмором. Суровый жизненный опыт Смелякова как жертвы сталинских репрессий (в 1934-1937 – в заключении) отразился в стихах-воспоминаниях, опубликованных уже после смерти поэта.

Первые слова стихотворения («И современники, и тени...») определяют собеседников поэта. Живые и мертвые, они рядом, они «в тиши беседуют» с ним. От их виртуального присутствия «острее стало ощущение шагов истории самой». Слово «Истории» Я. Смеляков сознательно написал с большой буквы. Думаю потому, что никто из собеседников поэта не исчез бесследно, не оставив после себя памяти в строчках, записках, ратных и трудовых делах. Первые же строчки стихотворения определяют жанр как диалог во времени и со временем. Стихотворение, написанное классическим ямбом в сочетании с пиррихием, звучит доверительно, искренне, что подчеркивает гражданский пафос произведения. Мы не сомневаемся в том, что поэт патриот.

Ссылка на авторитетное мнение.

Ныне живущий, семидесятипятилетний Владимир Костров (в свои юные годы он знал Ярослава Смелякова) написал о поэте так:

И особенно как-то тревожится совесть,
если слышишь слово – Ярослав Смеляков.

Современники Ярослава Смелякова всегда отмечали высокие моральные качества поэта и действительно считали его совестью братьев по перу. При Смелякове не решались лгать, быть неискренними, излишне говорливыми.

О чем ведут беседу с поэтом «современники и тени»? О крутых поворотах истории, поражениях, победах, испытаниях. Говорят своими творениями, которые вошли в историю. «В тиши» беседуют, потому что эти беседы важны не только для автора; в этих беседах обе стороны постигали мудрость жизни. И читатель, проникая в смысл стихотворения, постигает прошлое, связывает свои познания в истории с тем, что открывает новое время.

Почему некоторые люди больше, чем прозу, любят читать стихи? Читать, заучивать наизусть, цитировать? Наверное, потому что стихи – это особая концентрация мыслей художника слова, лаконично, но ёмко обозначенная ритмом и рифмой.

Стихотворение Смелякова нельзя скандировать, оно может произноситься неторопливо, потому что беседа на то и беседа, чтобы говорить неторопко.

Лингвистическая справка. Ярослав Смеляков очень любил это диалектное слово – «неторопко». И признавался, что слово это определяет и его характер. Неторопливо ведет читателя поэт к своему главному признанию. Оно в последнем катрене:

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

Читая искренние строки поэта, испытываешь разные чувства: удивление, сострадание, боль, сочувствие, гордость. Каждому из них можно найти объяснение в биографии Я. Смелякова. И понимаешь, что стержнем в тяжелых испытаниях была огромная любовь к Родине, которую, подобно А. Блоку и С. Есенину, поэт называет «Русь».

Все в жизни человека – цепь событий не случайных. По Чехову, все события и далеких времен, и новейших (всей Истории!) – звенья одной большой цепи, и не выпасть ни одному звёнышку. Это понимает автор, поэтому он пишет о том, что преемственная связь времён «с каждым днём нерасторжимей». К этому пониманию, которое должно стать убеждением, он приводит читателя. Поэт любит родину искренне, чисто, как умет любить «мальчонка в шубке» свою бабушку. Это себя вспоминает он ребёнком. Наверное, вспомнилось, как шёл, «спеша и падая», держась за бабушкину юбку, куда-то по важным делам. И была эта юбка его оберегом и опорой, так и Русь – родина в самые тяжёлые годы для Ярослава Смелякова была оберегом и опорой.

Говорят, что имя человека не безделица. Ассоциация с именем Ярослава Мудрого возникла у меня сразу, а фамилия Смеляков прозрачна. Поэт действительно был смелым человеком, брал на себя всю меру ответственности, но ни одного не оговорил, не предал, когда история страны «своею тьмой омыла» поэта. Поэт мудро принял и другой подарок истории: «светом ожгла». Не сетовал, не обвинял – жил во времени, понимая и принимая его; жил во времени, принимая и стараясь понять Историю родины:

Всё явственней её приметы,

понятней мысли и дела.

Ничего удивительного в том, что поэт испытывает радость. Это почти по А. Блоку: «Узнаю тебя, жизнь принимаю...» Ярослав Смеляков приветствует жизнь – историю своими стихами.

Литературная справка. Стихотворение строфичное, состоит из четырёх катренов. Каждая строфа с перекрёстными женскими и мужскими рифмами: разговорные интонации, разговорный строй отдельных предложений («Как словно я...») позволяют мне считать, что эти стихи

написались сразу, «стекли» с пера. В этом весь поэт – искренний, открытый.

Мне очень понравилось это стихотворение. Я поняла, что тема нерасторжимой преемственной связи дорога Ярославу Смелякову как вечная тема, поэтому он и написал свою «Историю». История – не случай, не происшествие, не сказка; История – это жизнь Родины, мальчонки в шубке, его бабушки и всего народа. Поэту веришь.

Сергей Есенин

Гой ты, Русь моя родная

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Отзыв о стихотворении Сергея Есенина «Гой ты, Русь моя родная»

Любовь к родному краю

Меня томила,

Мучила и жгла.

Сергей Есенин

Истинный поэт всегда горячо любит Родину. Если он не прикипел к ней душой, если нет того святого, за что можно духовно держаться и во что верить, то его стихи уже не будут настоящими. О России писали Н. Некрасов, А. Блок, А. Ахматова... Да вряд ли найдется хоть один русский поэт, который о ней не писал.

С. Есенин родился в маленькой рязанской деревушке и, как никто другой, понимал скромную и необъятную красоту русской природы. А главное – умел передать ее стихами, по-своему размашисто и искренне.

Стихотворение «Гой ты, Русь моя родная» относится к ранней лирике поэта, полной светлых и мечтательных мотивов. Его можно отнести как к пейзажной лирике, так и к патриотической. Оно рассказывает о большой и малой родине поэта, о самобытном крестьянском укладе жизни и о глубоких чувствах к земле, на которой он вырос.

Уже первые четыре строфы показывают нам именно «малую родину» в восприятии С. Есенина.

Мы видим незатейливые и одновременно дорогие нам картины природы. Даже если бы я не знала, кто автор этого произведения, я смогла

бы догадаться об этом по большому количеству неожиданных метафор, олицетворений и сравнений (чего стоит только знаменитое «Только синь сосет глаза» с аллитерацией звука [с], будто cedящего свежий сельский воздух!). Догадалась бы и по характерному употреблению сочных просторечных слов: «гой», «корогод», «стёжка», которые, безусловно, придают колорит стихотворению и указывают на народные корни автора.

Известно, что преобладающие цвета в лирике С. Есенина – голубой, синий, золотой, серебряный, розовый. Это уже постоянные эпитеты – спутники матери-родины, Руси и юности поэта.

Эпитет «синий» встречается и в обычных, привычных словосочетаниях, и в оригинальных, поэтически свежих. Поэт считал этот цвет не бытовым, а как бы символическим, означающим «божественность». И не случайно хаты у него в «ризах образа», и сам лирический герой схож с «захожим богомольцем».

Философская мысль поэта растворена в поэтических словесных образах. В этом трудность её восприятия и понимания, но в этом и прелесть её самобытности и неповторимости. Одно неоспоримо: в стихотворении сильно чувство святой любви к своей родной земле. Лирический герой трепетно, с глубоким уважением, с неподдельным интересом смотрит на поля, околицы, у которых «звонно чахнут тополя», как «захожий богомалец» смотрит на образа в церкви. Окасиональный оксюморон «звонно чахнут» неподражаемо передает есенинский дух стихотворения.

Художественное время в данном стихотворении С. Есенина регулируется временными образами: церковного Спаса и веселого пляса.

Пахнет яблоком и медом

По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом

На лугах веселый пляс.

С. Есенин поэтически соединяет, сливает краткий миг человеческой жизни с вечным потоком истории, мирового времени. И поэтому закономерно появление образа «мятой стежки» (значит, хоженной-перехоженной) в четвертой строфе. А этот образ всегда многозначен: это и деревенская дорога, и жизненный путь человека.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Заметьте: сережки – это не только соцветие у берез, но и что-то родное, близкое, сокровенное.

Пространство в стихотворении сильно расширено и почти лишено рамок: от деревенских хат мы переносимся к садам и бескрайним полям, вдыхаем ароматы яблок, меда, трав, слышим звуки песен и падающих с тополей листьев.

Стихотворение поражает своей мелодичностью. Ритм удивительно гармоничный и плавный, как в деревенских напевах. С народной песней роднит это стихотворение и наличие сквозных образов, переходящих из стихотворения в стихотворение (простые русские хаты, образ дерева).

Основная идея заключена, на мой взгляд, в последней строфе. Здесь речь идет о большой Родине и об отношении поэта к ней:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

С. Есенин, обращаясь к родине, использует местоимение «моя».

Он не кривил душой и не лжепатриотствовал. Во время путешествий С. Есенин видел «рай» – заграничную жизнь, полную излишеств и удовольствий... Но он любил свою родину, и любил её такой, какой она была, поэтому не отделял свою судьбу от судьбы своей Родины.

Лирический герой этого стихотворения – не пассивный наблюдатель родной природы; он вместе с ней, соединен неразрывно и навсегда со своей родиной. Он любит все то, что его окружает, не потому, что это красиво и поражает воображение, а просто потому, что не может не любить.

Такова любовь Сергея Есенина к Родине – большой и малой.

Отзыв о стихотворении Сергея Есенина «Гой ты, Русь моя родная»

Есть у Беларуси две кровные сестры – Россия и Украина. Крепкие родственные связи давно соединяют их. Много веков назад составляли они единое государство, называемое Русью. Вот почему так близки нам поэтические строки, созданные великими поэтами России.

Поэтический мир Сергея Есенина созвучен моей душе. Когда мне грустно и когда весело, я читаю его стихи. Они привлекают своей лиричностью, задушевностью, неподдельной искренностью. В стихах С. Есенина не найдешь ни одной фальшивой ноты.

В русскую поэзию С. Есенин вошел как поэт крестьянского направления. Его родное село Константиново, озера, поля, леса – все это его Россия, великая и прекрасная. Потому главным художественным образом лирики Есенина является Россия. Его стихи наполнены одной большой любовью – любовью к Родине.

Стремясь постигнуть дух Руси (именно Руси, а не России), поэт в воображении охватывает единым взором старую Русь с её древними поверьями, сказками, былинами, с ее богомольцами и странниками.

Воссоздают её образ в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная» и цветовая гамма (зеленый – цвет полей, лугов, лесов; синий – цвет озер и рек; медовый – цвет солнца, полей, церковных куполов), и эпитеты («кроткий Спас», «мятая стежка», «веселый пляс»), и необычные метафоры («синь сосет глаза»; «приволь зеленых лех», «корогод»), и сравнения («как сережки, смех девичий»; «смотрю, как богомолец»), а также обилие существительных («хаты, поля, церкви, богомольцы, лехи, приволь, рать»). При этом в синтаксисе поэт стремится избежать осложнений: использует в основном предложения простые двусоставные и односоставные определенно-личные, и только в первой и последней строфах – сложные синтаксические конструкции, которые позволяют расставить смысловые акценты.

Перечитываю строки и ловлю себя на мысли, что после восторга, который отчетливо проявляется в первой строфе, далее ощущается какая-то пронзительная, тихая грусть.

Почему так резко меняется настроение поэта, заявленное в первых четырех строках? Ведь по началу стихотворения можно предположить, что С. Есенин собирался писать что-то восторженное. Начинается стихотворение с междометия, свойственного русским былинам:

«Гой ты, Русь моя родная...»

Слово «гой» вызывает интерес – заглядываю в словарь и узнаю: по данным этимологического словаря «гоить» означало «давать жизнь». Следовательно, в первой строке поэт желает своей стране здравствовать, жить и процветать. Кажется, именно к этому располагают необъятные просторы Руси:

...Хаты – в ризах образа...

Не видать конца и края –

Только синь сосет глаза.

Слово «хаты» заинтересовало меня. Ведь так называли дома в Беларуси и Украине. Но почему для рязанского поэта дома – «хаты»? Мне приходилось бывать на Рязанщине, действительно, дома похожи на хаты в далеких белорусских селах: те же четырехскатные крыши, резные наличники на окнах, которые напоминают расшитые одежды священников – ризы.

Но после первой строки восторг и торжественность сменяются другими интонациями, более грустными: «низенькие околицы», «чахнут тополя». И лирический герой предстает «захожим богомольцем», странником, который замаливает свои грехи по «церквам». В следующей строфе слышен девичий смех как радость жизни, отголосок грешной земли, но в последней строфе снова появляется «святая рать» – ангелы, зовущие богомольца в рай, а он просит: «Не надо рая, дайте родину мою».

Стихотворение Сергея Есенина «Гой ты, Русь моя родная» воспринимается мной как признание поэта в любви к своей родине. Это признание является идейным центром, воплощающим авторский замысел.

Перечитав еще раз стихотворение, я обратила внимание на оксюморон «звонно чахнут тополя». У меня сразу возникли ассоциации с золотой осенью, порой года, когда природа увядает, но все равно остается прекрасной. И эта строка заставила задуматься: а если С. Есенин описывает просторы Руси во все времена года? Перечитала все стихотворение... И действительно, первая строфа ассоциируется с зимой, когда просторы кажутся безграничными и синими от лазурного неба. Третья строфа навеивает воспоминания о летних садах, пахнущих яблоками и медом, и церковном празднике Спасе. В четвертой же строфе ощущаю дыхание весны: зеленые лехи и березовые сережки, слышу вдали смех девичий... Но С. Есенин неспроста описал времена года в обратном порядке: весна – пора новой жизни, новых надежд. И в четвертой строфе

автор выражает надежду на процветание Руси, начало новой жизни. Также в стихотворении изображаются прошлое («хаты – в ризах образа...»), настоящее («пахнет яблоком и медом»), будущее («побегу по мятой стежке»). И все это: и события, и времена года – сливается в единую картину человеческой жизни.

Стихотворение «Гой ты, Русь моя родная» было написано поэтом в 1914 году, когда началась первая мировая война, и возникает мысль: а если это прощание с Родиной?

Г. Горбовский в «Роднике Российской земли» писал: «...Есенин жил внутри народа. Не «над», не в сторонке. Как только обстоятельства пытались вышибить его из этой слитности с народом, поэт заболел душой, страдал...». Страдания русского народа не могли оставить С. Есенина равнодушным. Поэтому в начале произведения «Гой ты, Русь моя родная» поэт «давал жизнь» Руси, в четвертой строфе выражал надежду на процветание, а в пятой строфе обещал не покидать родину свою в то время, когда великие люди России – «рать святая» – уезжали жить за границу – «жить в раю».

«Время не властно над поэзией Есенина», – писал А. Козловский. И это правда, ведь Есенин писал о том, что было и будет актуально всегда: о вечных проблемах бытия, в которых «я» поэта ведет поэтический диалог с человеком, с природой, землей, вселенной... Такой диалог можно считать вечным для поэзии. Произведение «Гой ты, Русь моя родная» о нашей общей, древней родине – о Руси.

Александр Кушнер

То, что мы зовём душой...

То, что мы зовем душой,
Что, как облако, воздушно
И блестит во тьме ночной
Своеенравно, непослушно
Или вдруг, как самолет,
Тоньше колющей булавки,
Корректирует с высот
Нашу жизнь, внося поправки;

То, что с птицей наравне
В синем воздухе мелькает,
Не сгорает на огне,
Под дождем не размокает,
Без чего нельзя вздохнуть,
Ни глупца простить в обиде;
То, что мы должны вернуть,
Умирая, в лучшем виде, –

Это, верно, то и есть,
Для чего не жаль стараться,
Что и делает нам честь,
Если честно разобраться.
В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!
Я привязан, ты – свободна.

Отзыв о стихотворении Александра Кушнера «То, что мы зовем душой...»

Когда долго ищешь ответ, рано или поздно находишь его. И на вопросы «Что делает человека личностью? Что является основой его сознания, поступков, характера?» я отвечаю: душа. Душа романтика или сатирика, циника или реалиста, благодетеля или злодея... Душа. Такая, какая есть. Изменчивая и многогранная, сотканная из сотен чувств и эмоций, но никогда так и не разгаданная полностью.

Именно такой мне открылась душа в стихотворении Александра Кушнера «То, что мы зовем душой...». Немаловажным, как мне показалось, является то, что автор не дает названия своему произведению,

предлагая читателю самостоятельно определить для себя значение всего незримого, что есть в человеке и что делает его Человеком.

Лирическое стихотворение «То, что мы зовём душой...» – переплетение философских размышлений и ненавязчивый, но очень символический призыв сблизить внутренний мир.

Обращают на себя внимание художественные средства, которые использует автор в своих размышлениях. Сравнение души с воздушным облаком, самолетом, птицей помогает увидеть всегда такую разную, но так до конца и не раскрытую суть души. А указание на художественное время с помощью глаголов, употребленных в настоящем времени и потому настраивающих на некую незавершенность и, пожалуй, вечность, не ускользает от читателя, а, наоборот, помогает воспринять идею стихотворения более четко. Употребленный автором яркий эпитет «бесконечно старомодна» направляет внимание на возможность постоянного, бесконечного преобразования душевных качеств и души в целом, на порой смешное, порой неоправданное отрицание неприкосновенного уголка внутреннего мира, встречающееся среди людей.

В своем философском стихотворении автор показывает нам процесс становления души, формирование личности, используя такую стилистическую фигуру, как период. Инфинитивные предложения способствуют афористическому выражению мысли, тем самым создавая образ постоянного преобразования, развития души. В первой из трех октав этого произведения мы видим зарождение души «во тьме ночной» (эпитет). Она появляется перед нами неуловимой, неосязаемой, как облако. В четвертой строке автор с помощью анжанбемана акцентирует наше внимание на том, что душа становится своенравной, непослушной, обретая силу, «корректирует с высот// Нашу жизнь, внося поправки»,

будто контролируя человека и его поступки в зависимости от личностных принципов и переживаний.

Важную роль во второй строфе играет использованная автором антитеза «Не сгорает на огне, // Под дождем не размокает», которая убеждает читателя в целостности, крепости духа. А синтаксический параллелизм в двух первых и последних строках этой строфы указывает на важность непрерывающегося развития лучших качеств души вплоть до самой смерти. Асиндетон в 3-6 строках дает нам ощущение разноплановости возможностей внутреннего мира. Постепенная градация, использованная автором с третьей по восьмую строку, кульминацией которой является призыв «То, что мы должны вернуть, // Умирая, в лучшем виде...», убеждает читателя в необходимости присутствия в душе внутренней гармонии, без которой «нельзя вздохнуть». Именно в этих строках выражено невероятное желание не только сохранить заложенные в нас высокие душевные качества, но и приумножить ценность души, воспитанной жизнью. Но кому мы должны возратить душу, «умирая, в лучшем виде»? Для кого должны послужить примером совестливого, благородного человека? Обязаны ли передать потомкам частицу чистоты, света, духовности? Автор не дает прямого ответа на эти вопросы, в который раз заставляя читателя задуматься и, возможно, самому найти ответ.

Третья строфа – своего рода итог всего произведения, где автор окончательно утверждает, что душа – основа личности. Не напрасно он использует именно в третьей октаве однокоренные слова «честь», «честно», тем самым привлекая внимание нас, читателей, к искренности своей позиции, убеждая нас в том, что лишь честный человек сможет воспитать духовность. Восклицание в предпоследней строке – это, по моему мнению, нежелание упустить что-то важное...

Трудно не заметить, что тема души и внутреннего мира, основная мысль, заключенная в желании автора донести до читателя сознание необходимости, целостности, сохранения лучшего в душе, раскрываются не только с помощью художественных средств, но с помощью образов-символов, ассоциативно настраивающих нас на правильное восприятие произведения. Образ самолета – независимость; булавка – колкость, жизненные препятствия; огонь, дождь – трудности, неприятности, то есть все то, что воспитывает человека, встречаясь ему на жизненном пути. И, конечно, невозможно было бы не обратить внимание на связь образа птицы, мелькающей в небе, и понятия души. Не случайно автор, с одной стороны, предоставляет нам возможность подсознательно провести параллель: душа, или, иначе говоря, дух, так же важен для нас, как для птицы воздух, и «дух» так же невесом, так же вечен. С другой же стороны, душа, таясь глубоко в человеке, так же недосыгаема, как птица в небе. И, вспоминая строку «Я привязан, ты – свободна», мы с уверенностью можем сказать, что это действительно так: мы никто без души, мы зависим от нее, мы не значим ничего без собственного мнения или принципов, зарождающихся в душе, в то время как душа свободна в действии или в выборе. Она свободна как птица.

Важным является и то, что подобное раскрытие образа души существует и в поэзии М. Цветаевой: её «крылатость» души сходна с «воздушностью» души в стихотворении А. Кушнера. А вот у лирического героя Б. Пастернака душа имеет совсем другие свойства: она должна впитывать, «перемалывать» все события, чувства, впечатления, но вместе с тем также заставляет нас зависеть от нее.

Увидеть, услышать, прочувствовать стихотворение помогает звукопись и цветопись. Ассонанс гласного [o] в первой строфе создает ощущение легкости, плавности, но аллитерация на [p] делает звучание

более четким, будто говоря, что достижение цели (развитие души) возможно действием. Эпифора в третьей строфе (повторение глухих согласных) создает атмосферу дружелюбности. Стихотворение обретает краски с помощью ярких выражений: «блестит во тьме ночной», «в синем воздухе». Написано оно четырехстопным хореем, осложненным пиррихием во втором, третьем и четвертом стихах, с усеченной стопой в первом и третьем стихе. А перекрестная рифмовка с чередованием мужской и женской рифм (аБаБ) способствует ритмичности, что выражает стремительность жизни, постоянную вовлеченность души во все происходящее с нами и вокруг нас.

Перечитав стихотворение, мы можем окончательно убедиться, что его композиция соответствует замыслу автора: нельзя четко выделить композиционные части, оно цельно, как и душа.

Не секрет, что характер человека определяется по его поступкам, но именно душа является основой характера. Именно душа каждого человека – путеводная звезда. И именно душа дает ответы на все вопросы, важно только уметь к ней прислушаться и научиться верить в ее силы.

Отзыв о стихотворении Александра Кушнера «То, что мы зовём душой...»

В 1836 году Лермонтов делает такую запись: «Когда я был трёх лет от роду, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал её вновь, то она бы произвела прежнее действие...».

Примерно такое ощущение испытывала и я, вчитываясь в загадочные строки стихотворения Александра Кушнера. Кажется, всё понятно: речь – о душе, но смысл ускользает, улетает, как лёгкая тучка на

призрачном горизонте. Да к тому же у меня давно сложилось чёткое представление о душе:

Душа обязана трудиться –

И день и ночь, и день и ночь.

А тут... Совершенно иной ракурс: душа – это что-то неосязаемое, неуловимое, к чему даже трудно подобрать слово («То, что мы зовём душой...»). Она не наша «рабыня», и даже не «царица» – это явление иного рода – неземного, божественного, она, как облако, воздушна... Ей нельзя приказать, её нельзя заставить что-то сделать: она «блестит во тьме ночной», «своенравна, непослушна...». Душа в стихотворении А. Кушнера не «лентяйка в чёрном теле», она – божественное начало, она то, «без чего нельзя вздохнуть», без чего человек перестаёт жить, без чего не может существовать, она (душа) даёт возможность человеку (кстати, единственному из земных существ!) видеть небо, любоваться звёздами. Поэт относится к душе, как Рыцарь к Прекрасной Даме, он никогда не позволит себе «хватать её за плечи, учить и мучить дотемна»: она для него, как для маленького принца Экзюпери, единственная роза, «для чего не жаль стараться, что и делает нам честь». Для А. Кушнера «то, что мы зовём душой», – самое святое, самое великое, самое чистое, самое высокое в человеке. Это – частица Бога в человеке, не случайно поэтому при чтении стихотворения появляется чувство полёта, парения, которое усиливают использованные автором «воздушные» слова: облако, воздушно, самолет, с высот, птица, воздух, тучка, ласточка. Такими «высокими», «небесными» словами поэт настойчиво напоминает нам, людям, о том, что для сохранения в себе человека нужно стремиться к «духовному полёту», нужно смотреть в небо, нужно работать над собой, чтобы с нашего жизненного горизонта вдруг не исчезло облако (=душа), нужно помнить одну простую истину, которую когда-то сказал великий

итальянец Боккаччо: «Как солнце – красота и украшение неба, так душа – блеск и светоч всякой добродетели». Одним словом, нужно делать всё возможное и невозможное, чтобы на «небе» каждого человека ежедневно, ежечасно, ежесекундно жила тучка (=душа). Исчезнет она (тучка) – и человек погибнет задолго до своей физической кончины: без «тучки» невозможна жизнь – возможно только прозябание.

Не знаю, как других, а меня восхитило и построение стихотворения: поэт осторожно пытается нанизыванием, перечислением признаков дать своё понятие души (облако – самолёт – булавка – птица...). Душа для поэта – это самое загадочное, что есть у человека, она прилетает к нам, как облако, и нужно каждому из нас постараться, непрерывно работая над собой, превратить «облако» в «тучку, ласточку, душу». По сути, стихотворение представляет собой предложение-период, в котором совершается движение, полет по кольцу-орбите (начинается облаком и им же заканчивается (тучка), и во время этого полёта незаметно для нас холодное облако вдруг превращается в самое родное, самое нежное, самое близкое нашему сердцу – «в тучку, ласточку, душу»). Создаётся впечатление, что для поэта (и эту мысль он хочет донести до нас) душа – это тайна, потому что «природа души так глубока, что, как бы мы ни пытались узнать её, мы никогда не будем в состоянии определить её» (Гераклит). И это очень хорошо, что не можем определить: главное, чтобы этот таинственный, божественный свет никогда не покидал наше грешное тело.

В стихотворении речь идёт о душе, а само-то слово упоминается только два раза: «то, что мы зовём душой» (первая строка) и «тучка, ласточка, душа» (предпоследняя строка). Снова движение по кольцу-орбите, снова выход в космическое пространство: душа (=солнце) вращается вокруг тела (=земли) и рождает в нем Духовную жизнь (как тут

не вспомнить пушкинского «Пророка»!). И это (упоминание ключевого слова душа только два раза) попытка поэта ответить себе на вопрос, который мучил, мучает и будет мучить людей всегда: «Что такое душа? Почему даётся она только человеку?». И, по-моему, эта попытка весьма удачная. Погружаясь в содержание стихотворения, мы видим, что при первом упоминании поэт ещё сам не верит в то, что душа существует («то, что мы зовём душой...») – в этой строке ключевое слово ещё не «душа», а местоимение «то». При втором упоминании картина совершенно иная: поэт ответил себе (и мне тоже!) на один из вечных вопросов, и это открытие, как маленького ребёнка, изумляет самого поэта. Здесь уже слово душа обретает конкретный смысл:

В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!

Первые две строфы, начинающиеся местоимением «то» и представляющие собой единое предложение, буквально наполнены звуками [о], [а]. Случайность? Нет! Эти звуки создают ощущение воздуха, полёта, устремления в небо, невесомости, можно сказать, создается звуковой образ души; создаётся мелодия души, которая незримо проникает в наше тело (как тут не вспомнить слова Лермонтова, прозвучавшие в начале отзыва!).

Всякий раз, когда я читаю строки «Для чего не жаль стараться, что и делает нам честь; я привязан, ты – свободна», в памяти всплывает Заболоцкий:

Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с неё узды!

И невольно приходится задать себе вопрос: кто из поэтов прав? Ум голосует за определённость Заболоцкого, а с сердцем просто беда: оно

хочет, чтобы душа «делала нам честь», чтобы она была свободна, ибо, пока будет свободна она, до тех пор человек будет человеком. Не душа должна быть рабыней человека, а человек должен быть привязан к душе. И в этой кажущейся несвободе таится Свобода и Величие Человека.

И каждый из нас, «умирая, в лучшем виде», должен вернуть Душу (только это и делает каждому из нас честь), потому что «душа – это Бог, нашедший временный приют в теле человека» (Сенека).

Юлия Друнина

Болдинская осень

Вздыхает ветер. Штрихует степи
Осенний дождик – он льет три дня...
Седой, нахохленный, мудрый стрепет
Глядит на всадника и коня.
А мокрый всадник, коня пришпоря,
Летит наметом по целине.
И вот усадьба, и вот подворье,
И тень, метнувшаяся в окне.
Коня – в конюшню, а сам – к бумаге.
Письмо невесте, письмо в Москву:
«Вы зря разгневались, милый ангел, –
Я здесь как узник в тюрьме живу.
Без вас мне тучи весь мир закрыли,
И каждый день безнадежно сер.
Целую кончики ваших крыльев
(Как даме сердца писал Вольтер).
А под окном, словно верный витязь,
Стоит на страже крепыш дубок...
Так одиноко! Вы не сердитесь:
Когда бы мог – был у ваших ног!

Но путь закрыт госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую, схожу с ума.
А небо серо, на сердце серо,
Бред карантина – тюрьма, тюрьма...»
Перо гусиное он отбросил,
Припал лицом к холодку стекла...
О злая Болдинская осень!
Какою доброю ты была –
Так много Вечности подарила,
Так много русской земле дала!..
Густеют сумерки, как чернила,
Сгребают листья ветров метла.
С благоговеньем смотрю на степи,
Где он на мокром коне скакал.
И снова дождик, и снова стрепет –
Седой, все помнящий аксакал.

Отзыв о стихотворении Юлии Друниной «Болдинская осень»

*Mon ange, votre affection est la seule chose de
ce monde qui m'empêche de me pendre à la
porte cochère de mon triste château, conservez-la
moi, cette affection, et croyez que tout mon
bonheur est là.*

*(Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь
на свете, которая мешает мне повеситься на
воротах моего печального замка. Не лишайте
меня этой любви и верьте, что в ней всё моё
счастье).*

А. С. Пушкин Н. Н. Гончаровой

от 30 сентября 1830,

Болдино

Тысяча восемьсот тридцатый год. Болдино. Разлука, неожиданное вдохновенье... Тревожная, унылая пора. Дождь льет как из ведра. Бушует ветер. Эпидемия холеры. Запрет на въезд в Москву. А там невеста! Несчастный «всадник», ты обречен на ожидание и тоску! Письмо – единственное утешенье, твое к любви заветное стремление. Еще жених, ты вынужден остаться вдали от милой и писать стихи, чтобы хоть как-то развлекаться. Страницы, главы, повести, поэмы... В эту осень ты написал больше, чем за предыдущие десять лет. Похоже на насмешку, которую придумала коварная Судьба!

Наверное, лишь А. С. Пушкину она могла позволить так чувствовать и так страдать, чтобы он мог творить и все им восхищались! Поэтому темой лирического стихотворения «Болдинская осень» Юлии Друниной является одноименный период в жизни этого великого русского поэта. Философская лирика погружает нас в загадочный мир звуков и ярких эмоций, мы, словно вместе с поэтессой, оказываемся в Болдино и ощущаем присутствие самого Александра Сергеевича. Она передает нам и те чувства, которые он испытывал в тот далекий 1830 год.

Вздыхает ветер. Штрихует степи

Осенний дождик – он льет три дня...

Седой, нахохленный, мудрый стрепет

Глядит на всадника и коня.

Эти строки, как и все стихотворение, овеяны грустью, печалью, которые принесла с собой осень. «Стрепет» – живой свидетель тех событий, образ мудрой птицы, этакого старца из сказок Пушкина –

является частью кольцевой композиции «Болдинской осени», которая подчеркивает концовку и одновременно связывает ее с зачином, рождая ряд ассоциаций. Поэтому Юлия Друнина, пользуясь точными эпитетами, называет его «седым», «нахохленным», «мудрым». Инверсия, которую мы можем заметить в этих строках, делает для нас отчетливыми все движения души главных лирических героев: Пушкина-всадника и автора. Очень важна и звуковая инструментовка этого произведения. Аллитерация на [х] («Вздыхает ветер. Штрихует степи...») помогает нам почувствовать дыхание осеннего ветра, на [к] («А мокрый всадник, коня прищпоря...») – услышать капли дождя, на [р] («мудрый стрепет») – уловить, как «фыркает» конь Александра Сергеевича. Ассонанс грузного, как туча, [у] способствует появлению в мелодии стихотворения ноток грусти, одиночества.

А мокрый всадник, коня прищпоря,
Летит наметом по целине.
И вот усадьба, и вот подворье,
И тень, метнувшаяся в окне.
Коня – в конюшню, а сам – к бумаге.
Письмо к невесте, письмо в Москву...

Пушкин-всадник спешит в усадьбу, чтобы написать письмо любимой в Москву. Он не просто торопится, он «летит наметом». Это выражение показывает, насколько сильным является желание поэта попасть в Москву, к невесте, или хотя бы пообщаться с ней при помощи письма, коснуться ее души пером, рассказать о своих чувствах, переживаниях. Синтаксической особенностью «Болдинской осени» является наличие почти всех видов простых и сложных предложений, что делает простую историю жизни и любви Пушкина сложной, полной самых

разнообразных чувств. Но ярким это произведение делает письмо к Наталье Николаевне, оформленное в стихотворении как прямая речь:

«Вы зря разгневались, милый ангел,—
Я здесь, как узник, в тюрьме живу.
Без вас мне тучи весь мир закрыли,
И каждый день безнадежно сер.
Целую кончики ваших крыльев
(Как даме сердца писал Вольтер).
А под окном, словно верный витязь,
Стоит на страже крепыш дубок...
Так одиноко! Вы не сердитесь:
Когда бы мог — был у ваших ног!
Но путь закрыт госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую, схожу с ума.
А небо серо, на сердце серо,
Бред карантина — тюрьма, тюрьма...».

Именно в этих строках таится бесконечная любовь А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Обращение «милый ангел», гипербола «Без вас мне тучи весь мир закрыли» делают Наталью Николаевну божественной, идеальной, самой желанной и любимой. Обратим внимание, что А. С. Пушкин обращается к своей любимой на Вы. Ведь это тоже свидетельство его преданной любви. Умолчание, восклицание, тире вместе с эмоциональной и экспрессивной лексикой («разгневались»), используемой Ю. Друниной наряду с разговорной («бред»), делают главным в поэтической ткани не саму историю, а чувства, которые испытывают ее случайные герои. Именно чувства составляют основу стихотворения. В этом ей помогают многочисленные статичные глаголы, передающие состояние души героев. Поэт сравнивает себя с узником, заточенным в

«Болдинскую тюрьму». Каждый день для него серый, однообразный, унылый... Он чувствует одиночество, которое Ю. Друнина передает через образ дубочка – «верного витязя». Поэтесса использует такой словообразовательный прием, как введение уменьшительно-ласкательных суффиксов в свою поэтическую речь («дождик», «дубок»), чтобы сделать картину более яркой, милой, близкой сердцу читателя. Путь героя преграждает карантин. В окрестностях правит «госпожа Холера». Именно «госпожа», потому что она сама может распоряжаться жизнями людей, имеет высшую власть. Пушкин в отчаянье, он вынужден ждать:

Бешусь, тоскую, схожу с ума.

А небо серо, на сердце серо...

Градация «бешусь, тоскую, схожу с ума» подчеркивает эмоциональный подъем поэта. Юлия Друнина намеренно использует в своих стихах строки из письма Пушкина Гончаровой от 11 октября 1830 года, чтобы сделать её письмо реальным, более достоверным для читателей. Преобладание зрительных образов, созданных множеством существительных, рисует перед нами историю любви, которая привела к небывалому творческому подъёму великого поэта XIX века. Вдохновение и такое яркое, эмоциональное событие, как любовь, неразрывно связаны. Ведь любовь возвышает человека, открывает в его душе столько нового, неизведанного, светлого. И будто сами по себе рождаются заветные слова, сливаются в единую мелодию сердца и раскрывают новые горизонты для творчества.

Стихотворение, проникнутое грустной интонацией, астрофично, что показывает целостность прожитой жизни «всадника», неотделимой от Болдинской осени. А размер произведения очень необычный, даже странный: переход от ямба к хорею, нет единого ритма. «Болдинская осень» написана с использованием перекрёстной рифмовки, осложнена

пиррихией, а кое-где даже встречаются удлинённые и усечённые стопы. Ритм неопределённый, но всё же отчасти плавный, что говорит о длительном пребывании поэта на болдинской земле. Рифмы неточные. Используются мужская закрытая («дубок» – «ног») и открытая («дня» – «коня»), а также женская («подарила – «чернила») рифмовки. Всё же это делает атмосферу поэтической речи истинно пушкинской, заветной.

Перо гусиное он отбросил,
Припал лицом к холодку стекла...
О злая Болдинская осень!
Какою доброю ты была –
Так много Вечности подарила,
Так много русской земле дала!..

В этих строках звучит благодарность потомков за стихи, то сокровище, которое оставил Александр Сергеевич русской земле. Раскрытию этой мысли способствует повтор («Так много») и перенос, который будто хочет соединить строку поэтессы с её душой, с её мыслями. Оксюморон «злая – добрая Болдинская осень» наделяет этот период в жизни Пушкина чем-то особым, божественным. Даже не верится, что столько страданий могут перерасти в такое большое количество произведений, ставших любимыми читателями всех поколений! Делением лексики на две тематические группы: слова, связанные с письмом («штрихует», «бумага», «письмо», «перо гусиное», «чернила») и погодой, выражающей настроение всего стихотворения («ветер», «дождик льёт», «мокрый», «тучи», «серый день», «одинок», «серое небо») – Юлия Друнина подчёркивает уникальную связь поэзии и души поэта.

Густеют сумерки, как чернила,
Сгребает листья ветров метла.
С благоговеньем смотрю на степи,

Где он на мокром коне скакал.

И снова дождик, и снова стрепет –

Седой, всё помнящий аксакал.

Всё проходит, летит время, «сгребает листья ветров метла», Пушкина давно нет в живых. «С благоговеньем смотрю на степи...» – словно в состояние транса нас вводит суггестивный приём аллитерации на [с], как, наверное, и саму поэтессу. Юлия Друнина стоит на том самом месте, которое еще хранит память о человеке с пламенным сердцем, поэте, и начинает рисовать образы в своём воображении. Она олицетворяет природу: «вздыхает ветер», «стоит дубок-витязь», «госпожа Холера», «метла сгребает», «тучи закрыли». Сравнивает ночь, «густые сумерки» с чернилами, которыми так искусно пользовался сам Пушкин для создания своих шедевров. Прошлое и настоящее тесно переплетаются благодаря глаголам прошедшего и настоящего времени, словам, которые часто употребляли в те далёкие времена («аксакал», «усадьба», «подворье», «благоговенье»). «Седой», «серый», «чернила», «сумерки» – вся эта цветопись ставит печать грусти, уныния, одиночества на строки Друниной. Она постаралась прочувствовать всё, что происходило тогда во время холеры: весь ужас заточения, боль разлуки, невыносимое ожидание. Она посвятила своё произведение замечательному, уникальному поэту, тем самым сказав слова благодарности ему за множество прекрасных «творений».

Многие поэты писали о Пушкине, в том числе и о Болдинской осени. Среди них и Маргарита Алигер со своим стихотворением «Осень в Болдине». Если провести параллель между этими двумя произведениями, то мы увидим, что задачи у этих поэтесс были немного разными, хотя они и писали об одном человеке. «Осень в Болдине» – более светлое стихотворение, в нём нет какой-то особенной грусти. М. Алигер не

передавала муки, страдания поэта, а больше восхищалась его творчеством, небывалым всплеском эмоций на бумаге. Ю. Друнина, напротив, считала, что душа поэта – вот то главное, что стоит открыть читателю. Поэтому идея её «Болдинской осени» заключается в том, чтобы передать состояние души поэта, свои впечатления от посещения пушкинских мест. Ведь Болдино – это особое место не только для Пушкина, но и для всей России.

«Пушкин приходит к нам с детства, а мы к нему – с годами», – говорил А. Твардовский о великом поэте, чьё имя будет звучать в веках, чьи стихи будут жить вечно. Царственное поэтическое слово Александра Сергеевича – бесценный дар, это благодать, сошедшая с небес, благодать, которую не все могут увидеть и почувствовать. Мудрость приходит в зрелом возрасте, поэтому стихи Пушкина не сразу поймёшь, не сразу прочувствуешь всю глубину его мысли. Я поняла это уже давно. А сейчас лишь убеждаюсь в этом вновь и вновь. Ведь даже в свои сказки великий Пушкин заложил определённые философские мысли, которые не всегда могут понять даже взрослые. В детстве, читая его милые, занимательные книги, я и представить себе не могла, что уже в девятом классе смогу познакомиться с произведениями, в каждой строке которых скрыт образ, созданный безграничной любовью поэта к людям, несущий в себе бездну смысла. Поэтому Пушкин для меня не просто «стихотворец», а настоящий мастер поэтического жанра. Я восхищаюсь им, присоединяясь к тёплым словам, сказанным Юлией Друниной в его адрес. Пушкин достойно носит гордое звание поэта, «человека, отнимающего аромат у живого цветка», как писал А.Блок. Каждое его слово – брильянт, который нуждается в огранке читателя, а его мысли – настоящий поток мудрости. У поэта особая душа, которая способна чувствовать так тонко, так образно, что в его стихах сама жизнь превращается из серого невзрачного комочка

поэтических сплетений в яркое, красочное полотно. Примером является письмо, которым я и хочу закончить свой отзыв:

Adieu, mon bel ange. Je basic le bout de vos ailes,
comme disait Voltaire à des gens qui ne vous
valaient pas. (Прощайте, прелестный ангел.
Целую кончики ваших крыльев, как говаривал
Вольтер людям, которые вас не стоили).

11 октября 1830, Болдино

Адрес:

Её высокоблагородию милостивой
Государыне Наталье Николаевне Гончаровой
в Москве на Никитской в собственном доме

Ровесникам

Артуру Макарову

Знаешь, друг,
мы, наверно, с рожденья
такие...
Сто разлук нам пророчили
скорую гибель.
Сто смертей
усмехались беззубыми ртами.
Наши мамы
вестей
месяцами от нас ожидали...

Мы росли –
поколение
рвущихся плавать.
Мы пришли
в этот мир,
чтоб смеяться и плакать,
видеть смерть
и, в открытое море бросаясь,
песни петь,
целовать неприступных красавиц!
Мы пришли
быть,
где необходимо и трудно...
От земли
города поднимаются круто.
Век
суров.
Почерневшие реки
дымятся.
Свет костров
лег на жесткие щеки
румянцем...
Как всегда,
полночь смотрит
немыми глазами.
Поезда
отправляются по расписанью.

Мы ложимся спать.
Кров родительский
сдержанно хвалим.
Но
опять
уезжаем,
летим,
отплываем!
Двадцать раз за окном
зори
алое знамя подымут...
Знаю я:
мы однажды уйдем
к тем,
которые сраму
не имут.
Ничего
не сказав.
Не успев попрощаться...
Что
с того?
Все равно: это —
слышишь ты? —
счастье.
Сеять хлеб
на равнинах,
ветрами продутых...
Жить взахлеб!
Это здорово кто-то придумал!

Отзыв о стихотворении Роберта Рождественского «Ровесникам»

Роберт Рождественский — отчаянный, беспредельно лиричный поэт, чей голос был услышан сразу. Он и его ровесники — Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина — были более популярны, чем эстрадные певцы. Их знали не только в лицо, их цитировали, обожали, буквально носили на руках. Они собирали «стадионы».

Эти поэты ворвались в жизнь «свежим ветром перемен». Молодые и отважные, они могли шокировать публику, потому что душой они всегда были свободными, смело говорили правду. Во время «оттепели» поэзия Рождественского во весь голос говорила о близких и дорогих людям истинах, о прошлом и настоящем.

Стихотворение «Ровесникам», написанное в 1962 году, – это стихотворение-обращение. Роберт Рождественский посвятил его своему другу-писателю Артуру Макарову. Автор ведет доверительную беседу, размышляя о времени и о своих ровесниках, о жизни поколения 60-х. Это тема стихотворения. Оно относится к гражданско-философской лирике (гражданственность вообще характерна для лирики Рождественского).

Лирический герой полностью сливается с личностью автора и в то же время постоянно воспринимает себя частью общего целого, сознательно стремясь выразить духовные запросы, опыт, порыв в будущее своих сверстников, товарищей по судьбе.

В стихотворении описывается время, когда начинало работать, творить поколение 60-х. Таким образом, хронотоп произведения – СССР.

В первой строке стихотворения «Знаешь, друг, мы, наверно, с рожденья такие...» чувствуется неуверенность, боязнь ошибиться в размышлениях (передается при помощи вводного слово «наверно») и недосказанность (на неё указывает многоточие).

В стихотворении семь раз встречается многоточие. Оно показывает, что автор размышляет, оценивает прошлое и настоящее, поэтому и переходит от одной мысли к другой.

Разностопный анапест, приблизительные мужские и женские рифмы, ритмически расчленённые строки придают стихотворению разговорность.

Ровесникам Рождественского пришлось пережить войну и сталинизм, испытать много трудностей. Они жили в коммунальных

квартирах, в построенных на скорую руку бараках, нередко голодали. Так уж распорядилась судьба: они «пришли быть, где необходимо и трудно». Это они восстанавливали разрушенные войной города и возводили новые («От земли города поднимаются круто»).

Неспокойное сердце звало их, романтиков, к неизведанному, к новому. Они становились космонавтами, геологами, моряками. Это было «поколение рвущихся», стремящихся вперед, к открытиям, к созиданию, несмотря ни на что:

Мы пришли
в этот мир,
чтоб смеяться и плакать,
видеть смерть
и, в открытое море бросаясь,
песни петь,
целовать неприступных красавиц!

«Открытое море» – символ неизведанного, трудного, возможно, опасного. И пусть «век суров», но ровесники Рождественского не сдаются: строят города, электростанции, открывают новые месторождения нефти, газа:

Почерневшие реки
дымятся.
Свет костров
лег на жесткие щеки
румянцем...

Автор в стихотворении использует два цвета (цветопись): черный («смерть», «почерневшие реки») и красный (пламя «костров», «алое

знамя»). Черный – это цвет горя, смерти. Красный символизирует жизнь, оптимизм.

В это время были люди, которые осваивали Сибирь, Арктику, Антарктиду, космос, создавали бессмертные произведения... Рождественский, Окуджава, Высоцкий... Поколение, которое жило правдой, полностью посвящало себя своему делу. Поэтому я думаю, что основная мысль стихотворения – утверждение личности творящего человека, вера в обыкновенных работающих людей.

В стихотворении можно выделить три части. Первая часть выделена в строфу (стихотворение строфично, строфы по количеству строк не равны между собой). Чтение первой строфы начинается медленным, размеренным темпом. Это первые 10 строк. Вторая и третья части объединены во вторую строфу – 56 строк.

В начале стихотворения поэт говорит: «... мы, наверно, с рождения такие». «Мы» – это его поколение, поколение 60-х. Он не говорит, какие они, прямо. Но уже следующие строки стихотворения дают право читателю предположить: «такие» – значит сильные, стойкие. Все испытания выдержали:

Сто разлук нам пророчили
скорую гибель.

Сто смертей
усмехались беззубыми ртами.

Образность придают стихотворению олицетворения («сто разлук пророчили», «сто смертей усмехались»). Анафора «сто» не только указывает на множество трудностей, но и подчеркивает, что пережить смогли всё. Местоимение «мы» повторяется в стихотворении 10 раз! (в разных падежных формах: «нам», «нас», «наши») и указывает на то, что поэт говорит не только о себе. Лишь однажды Рождественский говорит

«знаю я», но в продолжении сразу же звучит «мы однажды уйдем». Местоимением «мы» автор объединяет себя со своими ровесниками.

Вторая часть – начало второй строфы. Оно очень динамично. Удивительный динамизм стихотворной речи достигается благодаря множеству глаголов («росли», «пришли», «смеяться», «бросались» и т.д.). Особую выразительность придают стихотворению эпитеты («немыми глазами», «почерневшие реки»), перифраз («которые сраму не имут»), просторечные слова («взахлеб») и слова возвышенной лексики («кров»). Благодаря синтаксическому параллелизму все происходящее представляется читателю в виде фрагментов фильма, кадров, которые сменяют друг друга. Аллитерация на «р»:

Век
суров.
Почерневшие реки
дымятся.
Свет костров
лег на жесткие щеки
румянцем... –

подчеркивает стремительность жизни ровесников, их неустрашимость. Они идут наперекор препятствиям, все делают решительно. Ведь в молодости люди стремятся жить, идти только вперед и успеть много.

Вся жизнь – движение, поиск, работа («Поезда отправляются по расписанию»), тоска по родительскому дому («Кров родительский сдержанно хвалим»):

Но опять
уезжаем,
летим,
отплываем!

Теперь родительский дом – вся страна. «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз», – так могло сказать о себе поколение 60-х.; беспокойные, увлеченные, ищущие люди, люди разных национальностей – дети одной страны. Для них жизнь продолжалась:

Двадцать раз за окном
зори
алое знамя подымут...

Но автор знает, что жизнь закончится, что однажды они уйдут «к тем, которые сраму не имут».

Ничего
не сказав.
Не успев попрощаться...

Почему они не успевали попрощаться? Быть может, потому, что они умирали на сцене, не возвращались из экспедиций, погибали во время испытательных полетов...

Что
с того?

С этого вопросительного предложения начинается заключительная, третья часть стихотворения. Я думаю, что вопрос «Что с того?» – это не просто риторический вопрос; по-моему, автор повторяет вопрос собеседника и тут же отвечает, убеждая его («слышишь ты?»):

Все равно: это –
счастье.

«Сеять хлеб» на целинных землях – счастье. (Ведь «хлеб» – это символ жизни). Счастье – «жить взхлеб!». В толковом словаре к слову «взахлёб» дается синоним «торопливо». Но я считаю, что это толкование слова не передаёт полностью той мысли, какую хотел выразить Роберт Рождественский. Стоит обратить внимание на корень слова -хлеб-

(хлебать, захлёбываться). Это поколение не просто торопилось, оно все старалось делать «на полную», «через край», работало за себя и за «того парня», так, чтобы хватило всем, чтобы выполнить и перевыполнить норму, чтобы жить стало лучше. Они жили «ВЗАХЛЕБ» и поэтому были счастливы! Это не предположение, а утверждение. На это указывают восклицательные знаки в конце последних двух предложений, а не многоточия, как это было раньше. Уверенно, решительно, безапелляционно звучит последняя строка стихотворения:

Это здорово кто-то придумал!

Раз «здорово» – значит, жизнь проходит не зря. Но кто же этот «кто-то», кто все это придумал? Я думаю, что автор говорит не о земном человеке. Возможно, он подразумевает под местоимением «кто-то» Бога, Творца, ту силу, которая руководит жизнью на планете. Понятно, что назвал «кем-то» того, кого во времена атеизма называть было нельзя.

Стихотворение «Ровесникам» заканчивается оптимистически. Но история (или «кто-то») вносит свои коррективы. Ровесники Роберта Рождественского, люди разных национальностей, строившие большую страну СССР, жившие её идеями, после распада Советского Союза стали гражданами разных государств. Границы разделили семьи, отдалили друзей. Патриотизм и самопожертвование этих людей не понимают, а иногда и открыто высмеивают.

Евгений Евтушенко – поэт, который с гордостью причисляет себя к «шестидесятникам», писал об этом в стихотворении «Шестидесятникам»:

Мы для кого-то были «модными»,
кого-то славой мы обидели,
но вас мы сделали свободными,
сегодняшние оскорбители...

И добавляет:

...Пускай шипят: что мы бездарные,
продажные и лицемерные,
но все равно мы легендарные,
оплеванные,
но бессмертные!

Е. Евтушенко, как и Р. Рождественский, реально оценивает сложившуюся ситуацию и не теряет оптимизма, как не теряют его и другие представители поколения шестидесятых.

Прочитав стихотворение «Ровесникам», понимаешь, что нам есть с кого брать пример. Людям разных национальностей бывшего СССР нельзя забывать свою историю. Необходимо поддерживать экономические, культурные связи. От моих ровесников будет зависеть будущее нашей страны, Союзного государства России и Беларуси, Содружества Независимых Государств (СНГ). Я уверена: надо быть вместе, жить «взахлеб», чтобы жить ЗДОРОВО!

